

о *непротивленіи злу*"; доказывалъ, очевидно, сердясь, потому что кричалъ даже. „Я потому и кричалъ съ ней, объяснилъ Л. Н-чъ, что видѣлъ, что она человекъ глубоко убѣжденный, религиозный“. Какъ-же Л Н-чъ не хочетъ понять, что я не могу относиться спокойно къ тому, что онъ, обладающій такою силою дѣйствовать на другихъ, употребляетъ эту силу на то, чтобы увлекать на путь, ведущій, по моему мнѣнію, къ гибели не только его, или только отдѣльныхъ лицъ, но и весь родъ человѣческій. Видя это и именно высоко цѣня и любя Л. Н-ча всѣмъ сердцемъ, какъ я могъ не употребить всѣ силы, чтобы отвратить его, а вмѣстѣ съ нимъ и увлеченныхъ имъ, отъ этого гибельнаго пути. При этомъ могли быть употреблены слова и сдѣланы указанія, которыя больно отозвались въ сердцѣ Льва Н-ча; но никакое обличеніе не можетъ избѣжать этого, какъ это хорошо извѣстно и самому Л. Н-чу, потому что онъ самъ всю жизнь свою всѣхъ обличаетъ. Онъ всѣхъ обличаетъ, а самъ къ обличенію его самого спокойно отнестись не можетъ, а потому и прибѣгаетъ къ жалкимъ словамъ—„за что“, „не сдѣлалъ-ли я ему что нибудь дурное“, ссылается на свои 80-тъ лѣтъ, на право имѣть свои убѣжденія... Не могу не замѣтить, что *любовь* своею оборотною стороною имѣетъ непременно *ненависть*, любовь къ добру есть въ тоже время ненависть ко злу, любовь къ братьямъ есть въ тоже время ненависть ко всему, что причиняетъ имъ зло, ненависть, которая заставляетъ, принуждаетъ насъ противиться злу, не противиться злу можно только тогда, когда не любишь добра, когда не любишь братьевъ, которымъ приходится терпѣть отъ зла. И въ Евангелии говорится, не противься—*не злу*, а злему, какъ это переведено по крайней мѣрѣ на русскій и на французскій языкъ; если-же въ греческомъ текстѣ и говорится, бытъ можетъ, *не противься злу*, то тотчасъ-же приведенныя примѣры указываютъ, что это говорится о злѣ, причиняемомъ тебѣ другимъ, т. е. братомъ-же твоимъ, и это можетъ значить только, чтобы не противились *причиняющему* намъ зло, а не самому злу, что было-бы величайшею бессмыслицею: *злу* мы не можемъ не притивиться, если только любимъ добро. И я ненавижу не Льва Николаевича Толстого, а путь непротивленія злу, на который онъ старается увлечь всѣхъ; этотъ путь я дѣйствительно ненавижу и не могу не стараться всѣми способами отвращать отъ этого пути и больше всего, конечно, мнѣ хотѣлось-бы отвратить отъ этого пути самого Льва Николаевича, и потому, конечно, что онъ представляетъ собою великую цѣнность, онъ по истинѣ драгоцененъ. Этимъ желаніемъ, а не ненавистью ко Льву Николаевичу лично, и было вызвано мое послѣднее къ нему письмо*).

*) Необходимо отмѣтить, что постскриптумъ моего письма Л. Н-чъ оставилъ безъ всякаго отвѣта, между тѣмъ Сергѣенко въ письмѣ, при которомъ онъ прислалъ мнѣ обѣщанный именной экземпляръ альманаха, и прислалъ его бесплатно, пишетъ: „Сегодня (2 февраля) мною полученъ запросъ изъ Ясной Поляны о какой-то Федоровской статьѣ. Но я ничего не знаю ни о какой статьѣ. Н. Θ. Федорова, каждая мелочь о которомъ меня очень интересуетъ, потому что я познакомился и полюбилъ Н. И. Червогубова, близко знавашаго Н. Θ-ча и хранящаго о немъ лучезарныя воспоминанія. Пожалуйста, разъясните мнѣ, въ чемъ дѣло и—буде возможно—иришлите статью Н. Θ.“. Такимъ образомъ извѣстіе г-на Гусева отъ 13 ноября, будто статья Н. Θ. Федорова послана была Сергѣенкѣ, но онъ не могъ ее напечатать, оказывается